

На правах рукописи

Хафизова Ольга Ринатовна

ИНОКА ФОМЫ “СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ”
И КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2010

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Пауткин Алексей Аркадьевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Трофимова Нина Владимировна,
Московский педагогический
государственный университет

кандидат филологических наук
Первушин Михаил Викторович,
старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М.
Горького РАН

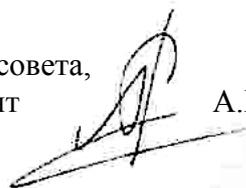
Ведущая организация: Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского

Защита состоится “ ____ ” _____ 2010 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, МГУ, Воробьевы горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке филологического факультета МГУ

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А.Б. Креницын

Функционирование книжных заимствований, в том числе и библеизмов, взаимодействие разностилевых компонентов внутри одного текста с недавнего времени стали предметом пристального изучения и критической оценки. Стремлением проникнуть в творческую лабораторию древнерусского книжника, воссоздать этапы работы, выявить принципы, которыми руководствовались книжники, отмечены многочисленные работы в современной медиевистике. В русле подобного научного интереса выполнено и это диссертационное исследование, посвященное анализу памятника тверской литературы XV в. инокa Фомы “Слова похвального”.

Написанное около 1453 г. – за несколько десятилетий до завоевания Твери Иваном III – произведение являет собой последний по времени известный нам памятник тверской литературы. Сам факт сохранения этого произведения, дошедшего в единственном дефектном списке, можно назвать счастливой случайностью. В “Слове похвальном” имеются притязания тверского князя на единодержавие и главенство в Руси, а также откровенные выпады автора против московского князя, поэтому по понятным причинам не могло войти в московскую книжную культуру. Это обстоятельство придает особую важность исследованию памятника как произведения, венчающего собой десятилетия развития тверской литературы. Инокa Фомы “Слово похвальное” примечательно в истории древнерусской книжности и тем, что является в своем роде прецедентным, поскольку впервые столь объемный панегирик посвящается не умершему герою-князю или святому, а здравствующему правителю.

С момента открытия памятника – 1908 г. – исследовались лишь частные стороны произведения или оно привлекалось в ряду с другими в качестве иллюстративного материала. На сегодняшний день в современной научной литературе нет монографического исследования, посвященного специфике взаимодействия разностилевых компонентов в “Слове похвальном” инокa Фомы, что свидетельствует о *научной новизне* и *практической значимости* предпринятого исследования.

“Для глубокого понимания любого текста”, – говоря словами Ф.Н. Двинятина, – “важно выяснить закономерности его отношения к текстам-предшественникам; для средневекового текста проблема его соотнесенности с книжной традицией – едва ли не центральная”¹. Изучение “Слова похвального инока Фомы” без учета его отношения к традиции невозможно, столь сложен состав и стилевой облик этого произведения. Древнерусские книжники, как известно, при написании того или иного произведения не прибегали к использованию риторик, письменных трактатов и правил, а обращались к образцам произведений определенных типов. Поэтому на первый план выходит задача установления как можно более полного круга источников, повлиявших на исследуемое произведение, а также необходимость анализа разнообразной топики и выявление преобразований традиционных элементов, творческого развития тверским автором наследия предшественников.

Объектом рассмотрения в диссертации помимо инока Фомы “Слова похвального” выступил широкий круг произведений разных эпох и жанров: летописные своды – Лаврентьевская, Ипатьевская, Симеоновская, Галицкая, Никоновская, Троицкая, Новгородской IV и Воскресенская летописи, Тверской сборник, Рогожский летописец; жития, произведения ораторской прозы – похвальные и “поучительные” слова, приветственные речи, официальные документы рассматриваемого столетия (княжеские соглашения, договора с участием тверского князя Бориса Александровича из Собрания государственных грамот и документов, а также Актов, собранных археологической экспедицией).

Выявление круга используемых Фомой источников, традиционных приемов, анализ заимствований дает возможность определить стилевые пристрастия, механизм текстопорождения, позволяет проникнуть в творческую мастерскую, в которой можно увидеть, что и как отбирает инок

---

¹ Двинятин Ф.Н. Традиционный текст в торжественных Словах св. Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. Сб.8. М., 1995. С.81-101.

Фома для своего произведения, какие тексты и чем привлекают его более остальных. Установление книг-источников, к которым обращался древнерусский писатель, также позволяет в какой-то мере охарактеризовать тверской княжеский скрипторий; обращение к тем или иным текстам может свидетельствовать об определенных тенденциях работы местной школы.

Целью диссертационного исследования, таким образом, является рассмотрение усвоения иноком Фомой предшествующей традиции, анализ памятника в кругу его литературных образцов.

Достижение цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- характеристика социокультурного контекста, в котором был создан изучаемый памятник;
- рассмотрение характера влияния на рассматриваемый памятник ораторской прозы, агиографического стиля, исторического повествования; выявление и описание их стилистических доминант;
- определение круга источников памятника, их влияния, функционального значения заимствованных фрагментов в новом тексте; выявление трансформации заимствований в компилятивном процессе; по возможности – выяснение причин, побудивших к обращению к тому или иному источнику;
- установление и анализ библеизмов как частного факта заимствования; определение их роли и специфики функционирования в тексте;
- выявление авторских книжных и жанровых предпочтений;
- определение наиболее характерных для писателя стилистических приемов и фигур;
- определение жанрового своеобразия “Слова похвального”.

Теоретической основой диссертации послужили монографические исследования по истории и поэтике древнерусской литературы Д.С. Лихачева; о специфике средневековой книжности В.В. Кускова, А.С.

Демина; работы И.П. Еремина, Д.М. Буланина, А.С. Елеонской, посвященные проблемам специфики древнерусского красноречия; работы Е.Л. Конявской, посвященные анализу тверской литературы, а также исследования А.С. Орлова, Н.И. Прокофьева, Н.В. Трофимовой, выявляющие своеобразие исторического и воинского повествования. При исследовании роли библейских заимствований в средневековом тексте использовались классификация и наблюдения С.С. Аверинцева, а также Ф. Оли и Н. Фрая.

Цель и задачи обусловили использование в работе следующих *методов*:

1) для выявления специфики произведения при анализе поэтики применялся метод комплексного анализа, учитывающий такие текстовые признаки, как цельность и связность текста, особенности стиля и композиции, тематическую и прагматическую направленность; 2) привлечение широкого круга contemporaneous и отличающихся в жанровом отношении произведений обусловило использование сравнительно–исторического литературоведческого метода, 3) метод сопоставительного анализа привлекался при рассмотрении текстовых заимствований из источников, послуживших литературными образцами; 4) статистический метод учета языковых данных. При оценке исторической ситуации XV вв. учитывались наблюдения историков, изучавших историю Тверского княжества, в частности – В.С. Борзаковского, Л.Л. Муравьевой, А.Н. Насонова, В.А. Кучкина, И.А. Тихомирова, Я.С. Лурье.

На защиту выносятся *положения*:

- художественное своеобразие памятника обусловлено особым взаимодействием трех традиций – летописной, агиографической, ораторской;
- наличие в панегирике повествовательной доминанты обусловлено статусом автора;
- влияние библейской топики затронуло образный, стилистический и композиционный уровни текста;

- выбор этикетных формул в обращениях тверского книжника к читателю продиктован традицией эпистолографии апостола Павла, определившей способы выражения авторской экспрессии.

Практическую значимость исследования представляют наблюдения и выводы, которые могут быть использованы при разработке учебных пособий по истории древнерусской литературы и лингвистическому анализу древнерусских текстов, а также в лекционных и специальных курсах по истории древнерусской литературы.

Апробация работы. Результаты исследования излагались в докладе на заседаниях IV летней школы по текстологии и источниковедению русской литературы (Усукирко, 2007 г.); на конференции “Филология. Культурология. Методика” (Москва, 2007 г.). Основные положения и выводы работы отражены в публикациях.

Диссертация состоит из **введения, двух глав, заключения, списка библиографии**. Каждая из глав включает в себя несколько разделов.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, сформулированы цели и основные задачи, раскрываются методы. В вводной части работы содержится также историографический обзор исследований “Слова похвального” инока Фомы и краткое описание рукописи тверского произведения.

Инока Фомы “Слово похвальное” читается в составе рукописного сборника начала второй половины XVI в., приобретенного Н.П. Лихачевым, который впоследствии – в 1908 г. – представил его на суд научной общественности. Рукопись² дошла в дефектном виде – имеется много необычных сокращений, помет поздних владельцев, вырван лист между 220 и 221 л.л., от которого остались лишь отдельные буквы. Отсутствует также

---

² Рукопись хранится в Филиале Института российской истории РАН (СПБНИИ РАН), собрание Н.П. Лихачева, № 689, л. 212–315.

концовка текста, на финальном листе помещена фраза, не имеющая продолжения на обороте.

Памятник представляет собой цикл “слов” о тверском князе Борисе Александровиче, правившем в 1425–1461 гг. Среди исследователей тверского произведения нет согласия в вопросе членения текста. Мы придерживаемся мнения о пятичастной структуре “Слова похвального” (шестая часть содержит только вступление, обрывающееся на полуслове). Каждая часть – или “Слово” – является самостоятельным элементом в композиционном и тематическом плане.

В 1 главе *“Панегиризм “Слова похвального”* прослеживается связь тверского памятника с традицией торжественного красноречия древнерусской книжности.

В разделе 1.1 *“Первая часть “Слова похвального”: синтез документализма и риторики”* показана зависимость панегирика Борису Александровичу от риторики киевского митрополита Илариона и игумена Выдубицкого монастыря Моисея, произведения которых выступили литературными образцами для тверского автора. Из “Слова о Законе и Благодати” и “Речи Моисея Выдубицкого” инок Фома заимствовал выразительные средства, стилистические обороты, а подчас и объемные риторические пассажи. Так, например, около 50 % текста сохранившихся списков “Речи Моисея Выдубицкого” вошло в “Слово похвальное инок Фомы”. Заключительная часть “Слова о Законе и Благодати”, отличающаяся пышной и торжественной риторикой, также в большом объеме была использована тверским книжником. Однако заимствование не носит механического характера. Существенная особенность переработки Фомой литературного образца заключается в том, что, перенимая какой-либо риторический прием, автор сохраняет стилистику текста-источника, но при этом книжник меняет функцию заимствованного фрагмента: так, например, риторические пассажи “Слова о Законе и Благодати” Илариона претворяются в тексте Фомы в церемониально-приветственные речи митрополитов,

собравшихся на Флорентийский собор, в адрес тверского князя Бориса Александровича, представитель которого присутствовал на соборе. Однако эти похвальные речи митрополитов автор помещает внутрь “протокола” работы собора. Протокольная форма воссоздана Фомой по посольскому отчету русской делегации, принимавшей участие во Флорентийском соборе. Автор в точности передает чины, персоналии, а также порядок выступления каждого участника согласно церемонии.

Сочетание элементов официального документа с торжественным красноречием способствует реализации авторского замысла – созданию эффекта достоверности происходившего.

В разделе рассмотрены примеры творческой переработки книжных источников тверским иноком Фомой, определены границы заимствований и их композиционная роль в новом тексте. Проанализированы также основные риторические приемы, усвоенные Фомой из произведений предшествующих эпох.

В *разделе 1.2 “Поиск новых форм: влияние агиографической традиции”* рассматривается влияние житийной традиции. При написании “Слова похвального” инок Фома ориентировался на княжеские жития, что, по-видимому, можно объяснить статусом прославляемого героя. Прямая зависимость от агиографических произведений просматривается в тех эпизодах “Слова похвального”, где тверской автор хочет показать высоту духа своего князя, смирение и кротость в период переживания тяжелых бедствий, обрушившихся на тверскую землю. Житийная манера сказывается также в характеристике тверского князя: автор использует распространенные топосы для описания жизни своего князя с младенчества до зрелых лет – рождение героя от благочестивых родителей, ранняя любовь к чтению, щедрость по отношению к священническому чину и т.п. Автор также использовал стилистические обороты, сложившиеся в “Сказании о Борисе и Глебе”, призванные передать состояние души героя в момент переживания им трудностей или страданий: **“слезами обливаясь и в сьрдьци си начать**

сицевая вѣщати” и т.п. Эти формулы в последующие столетия многократно использовались книжниками для введения речи героя – **“глаголаше в сьрдьци своемъ: ...”**, **“из глубины сьрдца рече: ...”**. Стоит также отметить, что данные устойчивые сочетания представляют собой вполне распространенные библеизмы, однако в похвалу инока Фомы, судя по текстуальной близости, они попали через посредство **“Сказания о ...”**.

Смирненное поведение или самоотверженность тверского князя, упование и молитвы также представляют собой цитаты известных житий – уже упомянутого **“Сказания о Борисе и Глебе”**, **“Житие Дмитрия Солунского”**. Региональная принадлежность или эпоха написания житий, избранных автором в качестве литературных образцов, в данном случае, по всей вероятности, не имела для инока Фомы значения. В тексте **“Слова похвального”** встречаются заимствования из памятников киевской книжности – **“Повести временных лет”**, **“Слова о Законе и Благодати”**, **“Сказания о Борисе и Глебе”** – произведений древнейшей эпохи древнерусской письменности, интерес к которым к нач. XV в. не только не ослабел, а наоборот, еще более усилился, а также можно встретить заимствования из произведений или их существенно переработанных редакций, современных тверскому автору, к примеру: **“Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского, царя Русского”**³, **“Житие Михаила Тверского”**, **“Повесть о житии Александра Невского”** в редакции XV в., из которой инок Фома заимствовал множество стилистических оборотов, ветхозаветных аналогий и сравнений.

В первой, второй и третьей частях **“Слова похвального”**, где преобладает панегирическое начало, встречается большое количество библеизмов, детальному анализу которых посвящен **раздел 1.3 “Библеизмы “Слова похвального”**. Особую актуальность вопросы функционирования библеизмов получили в последние десятилетия, когда на многочисленных

³ В вопросе времени написания **“Слова о житии”** нами разделяется точка зрения В.П. Адриановой–Перетц, а также М.Ф. Антоновой, датировавших памятник первой половиной XV в.

примерах исследователями-медиевистами было показано их влияние на образный и стилистический мир литератур многих стран. Книги Священного Писания для средневековых писателей “выступали не только религиозным, но и эстетическим образцом”⁴, они также определили характер восприятия и осмысления определенных событий, топику, выступая универсальным литературным образцом.

Изучению топики древнерусской литературы, а также характера цитирования посвящены, к примеру, работы Ф. Вигзелл, Н.Н. Розова, А.А. Алексеева. Определяющими в данной области медиевистики стали работы Р. Пиккио, В.В. Кускова, О.Ф. Коноваловой, Н.В. Кара, С. Матхаузеровой, И.Н. Данилевского, Ф.Н. Двинятина, Е.Б. Рогачевской. Для данных исследователей характерен взгляд на цитирование не только как на апелляцию к авторитету традиции, но и как на важный художественный прием, проявление авторского замысла.

Исследователи предлагают различные критерии анализа функционирования библеизмов в древнерусских памятниках. В работах как отечественных, так и зарубежных медиевистов произвольна терминология, нет единого подхода к изучению цитат. Однако всеми исследователями признается различие собственно цитаты и реминисценции.

Описание библеизмов ведется в двух планах: структурном и функциональном. Как правило, исследователи обращают внимание на такие структурные характеристики цитаты, как маркированность, объём, точность воспроизведения. В функциональном плане выделяются *удостоверяющая*, *поясняющая* и *украшающая* цитаты – по классификации С.С. Аверинцева⁵, достаточно точно и полно включающей самые значимые функции цитаты библейских текстов.

---

⁴ Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С.32.

⁵ Классификация С.С. Аверинцева в работе: Древнееврейская литература // ИВЛ. М., 1983. Т. 1. С. 271-302.

К сер. XV в. в древнерусской книжности прижизненных панегириков было не так много. Перед тверским книжником стояли вопросы не только как писать, но и о чем писать, иными словами, – на что ориентироваться и какие темы требуется раскрыть, чтобы у читателя возник образ идеального и могущественного правителя, достойного стать первым среди русских князей. Анализ памятника показал, что библейские тексты в значительной мере способствовали решению писательской задачи тверского автора.

Показательно, что для характеристики героя автор использует в подавляющем большинстве библейскую топику Ветхого завета. Это могут быть как маркированные (с указанием источника) и точные цитаты, так и реминисценции, упоминания при сравнениях. Для создания образа успешного князя-политика автор обратился к таким героям ветхозаветной истории, как Моисей, Давид, Соломон. Обращение средневековых книжников к упомянутым фигурам было довольно распространенным явлением, однако для тверского автора оно является не только данью традиции, но и замыслом, строго мотивированным личностью и деятельностью прославляемого героя.

Фома особо выделяет такие важные для правителя качества, как умение вести за собой людей, разумно управлять и заботиться о них, неоднократно называя его “вождем” и “пастырем” подобно Моисею, который вывел свой народ из рабства и привел к земле обетованной. Автор также называет тверское княжество “землей, царством обетованным”, “Новым Израилем”, восхваляя его процветающее в экономическом отношении состояние. Неслучайны сравнения Бориса Александровича с Давидом и Соломоном. Эпоха царствования Давида и его сына Соломона – “период наибольшего подъема и могущества – рассматривалась впоследствии в библейской традиции как своего рода “золотой век” древнееврейского государства, когда окрестные народы или племена были превращены в союзников или данников, ... царство пользовалось миром и безопасностью”⁶. Царь Давид

---

⁶ *Аверинцев С.С.* Древнееврейская литература // ИВЛ. М., 1983. Т. 1. С. 273.

был поставлен царем самим Богом, возлюблен им, именно Давиду Бог дал самые большие обетования о том, что милость и защита бога Яхве не отойдет от его дома вовек и что из его колена выйдет Царь-Спаситель. Подъем государственности, богоизбранность, могущество, преуспевание, политический авторитет – такими отличительными признаками, которые традицией неизменно связывались с царствованием Давида и Соломона, характеризует период правления Бориса Александровича тверской книжник. Фома в своей похвале стремится представить читателю “золотой век” правления Бориса Александровича.

Имена Давида и Соломона неизменно связываются со строительной деятельностью, поскольку именно Давиду Бог сообщил пропорции и детали внутреннего убранства Храма, постройку которого осуществил Соломон. Однако, говоря о строительной деятельности Бориса Александровича, Фома апеллирует более к имени Давида, нежели Соломона, что не является нарушением или искажением, поскольку именно он создал столицу в завоеванном им Иерусалиме, во II Книге Царств также часто говорится о завоевании Давидом городов и их последующей широкомасштабной перестройке.

Важным результатом исследования является установление источника обращений автора к читателю. В тексте “Слова похвального” таких обращений непривычно много и они весьма объемны, что было нехарактерно для книжности рассматриваемого периода. Анализ показал, что в большинстве своем они являются буквальными цитатами соборных посланий апостола Павла. (В диссертации приведена сопоставительная таблица заимствований). Для авторских обращений инока Фомы характерны тот же резкий тон, обвинительные выпады, упреки, встречаемые в эпистолографии апостола Павла. Речь, конечно же, не идет о механическом цитировании. Возможно, тверской книжник осознанно избрал эти послания, экспрессивность которых согласовывалась с его мыслями и задачами.

Типологическое сходство посланий апостола Павла и авторских обращений, встречающихся в “Слове похвальном”, отмечено впервые. Однако сам факт влияния апостольской эпистолографии на стиль предисловий, вступлений, просто обращений к читателю средневековых писателей известен⁷. Использование иноком Фомой цитат из Посланий апостола Павла в качестве вступлений, обращений к читателю, риторических вопрошаний подтверждает огромную роль эпистолярного наследия Павла в процессе формирования средневековой экспрессивности.

Определение степени влияния Посланий апостола Павла на тверского автора позволяет по-новому взглянуть на феномен авторского самосознания древнерусских книжников. Так, Е.Л. Конявская⁸, занимавшаяся изучением этого вопроса на примере памятников разных эпох и жанров, в том числе и “Слова похвального” инока Фомы, в своей докторской работе пришла к заключению, что возрастание авторского самосознания связано в первую очередь с эпохой. Установление факта, что высказывания Фомы о “слове” и его значении, о летописцах и их роли являются не личным авторским умозаключением, а заимствованием, добавляет новые сведения к вопросу изучения авторского самосознания древнерусских писателей, открывая один из важных текстов, служивших ориентиром в их работе.

Важным показателем усвоения книжной традиции является использование этикетных формул в обращениях автора к читателю. Средневековые книжники во вступлениях использовали библейскую топику, отражавшую представление о писательской и книжной деятельности. Обращения к читателю интересны прежде всего тем, что создают эффект присутствия автора в тексте. Книжники, опираясь на новозаветные

---

⁷ Мончева Л.Н. Апостолическое письмо в становлении художественно–эстетической традиции средневековой литературы // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. XLII. С. 191–192; Верховская Е.А. Жанр предисловия и послесловия московских старопечатных книг 1640–1670 гг.: Генезис и эволюция / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1994. С. 4.

⁸ Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000.

метафоры, часто сравнивали себя с пахарем, сеятелем, виноградарем. Инок Фома осознает себя “должником”, служащим своим талантом своему князю и тем самым исполняющим наставление апостола Петра о почитании власти: “Бога бояться, а князя чтить” (1 Пет. 2:17). Свое произведение осмыслялось тверским книжником как “бисер”, “две лепты бедной вдовицы”. Особой популярностью при изложении причин, побудивших автора приступить к написанию “слова”, на протяжении многих столетий пользовалась притча о ленивом рабе, погубившем свой талант, встречаемая также и в “Слове похвального” инок Фомы. Следует отметить, что все эти сравнения и метафоры сугубо традиционны и уже на раннем этапе распространения христианства они составили общекультурный фонд христианских литератур.

Результаты изучения функции библеизмов в тексте “Слова похвального” можно выразить следующим образом. Ведущими образцами стали такие книги Священного Писания (по возрастанию роли):

- *Псалтирь* и *Книга Притч* послужили источником готовых стилистических формул, выражений, придающих тексту торжественность и эмоциональную приподнятость (*орнаментальная функция*). Диапазон интонаций в Псалтири настолько широк (в ней можно найти как победную радость, торжество, так и задушевную скорбь, грусть, одиночество, крайнюю безысходность), что цитаты из нее можно встретить в “Слове похвального” и во вступлении, задающем торжественное настроение, и в прямой речи героя, изливающего свою грусть, переживания.

- автор использовал образы *Книг Царств и Бытия* для уподобления с тверским князем, использовал буквальные цитаты, реминисценции для создания образа могущественного, достойного правителя. Именно характер прославляемого героя “Слова похвального”, его положение и деятельность объясняют многочисленность исторических аналогий и аллюзий, восходящих к Книгам Царств.

- цитаты из *Евангелия* сконцентрированы особо в четвертой части “Слова похвального”, где речь идет об испытаниях, выпавших на долю

Бориса Александровича. Обширное цитирование в данном случае вызвано стремлением автора объяснить причину обрушившихся на князя несчастий (пожар, нашествие литовского князя). Чтобы у читателей не возникло мысли о том, что посылаемые страдания даются князю за грехи, тверской книжник очень тщательно подбирает аргументацию, составляя мозаику из евангельских цитат. В уже упомянутой четвертой части “Слова похвального” автор в уста своего героя вкладывает речь, обращенную к Богу, трогательную сердце искренним смирением и упованием на Господа. Молитвенное обращение князя представляет собой искусную компиляцию евангельских строк. Широко известные евангельские образы (бедной вдовы, ленивого раба и т.п.), реминисценции встречаются также в тех частях произведения, где автор пишет о причинах, побуждающих его “сплестать похвалу”, чтобы увековечить деятельность своего князя.

- цитаты из *Апостольских посланий (Павла, Петра, Иакова)* использовались тверским автором *в качестве назидания* или *подтверждения* своих слов, то есть ссылки на авторитет Писания. Эти цитаты не призваны быть украшением речи, поэтому, как правило, они маркированы. В данном случае автору важно соотнести свой текст со Священным Писанием. Опора инока Фомы на содержание, а также эстетическую форму апостольских посланий обусловлена не только авторитетом этого корпуса книг, но и авторскими предпочтениями.

Во 2 главе “*От риторики к летописанию*” определяются характер связи тверского памятника с летописанием, а также характерные для летописания устойчивые выражения, присутствующие в тверском панегирике.

В разделе 2.1 “*Обращение к летописной традиции*” рассматривается зависимость “Слова похвального” инока Фомы от летописания древнейшей поры.

В рассматриваемых в этой главе третьей, четвертой и пятой частях “Слова похвального” заметно значительное преобладание повествовательных

элементов. Третья часть “Слова похвального” целиком посвящена прославлению строительной деятельности тверского князя. Фома повествует о возведенных нынешним правителем храмах, сравнивая его заслуги с трудами предков и выявляя превосходство Бориса Александровича. Влияние летописной традиции сказывается в описании храмов. Так, рассказ о церкви во имя страстотерпцев Бориса и Глеба похож на краткую летописную запись, каких много знает древнерусская книжность. Такая запись фиксировала начало и завершение строительства того или иного храма или укрепления. Обычно летописцы подробно останавливались на описании внутреннего убранства храма, практически минуя описание общего облика здания: интерес древнерусского книжника влек его внутрь храма. Фома использовал стереотип описания храма, сложившийся в летописании XI–XII вв., который включал в себя, помимо формульного описания, два других компонента: топосы удивления красотой храма и сокрушения из-за неумения достойно передать увиденную красоту.

В повествовательных частях “Слова похвального” автор часто использовал формулы, сложившиеся в ПВЛ, являющиеся проявлением литературного этикета. Так, например, Фома последовательно и подробно описывает церемонию освящения храма, не упущена ни одна деталь, старательно перечислены все главные участники процесса в иерархическом порядке. Также тверской писатель использует и традиционные топосы для передачи огромного стечения народа: “**народу сущу много**”. Здесь проявляется и характерный для таких случаев гиперболизм: “**всѣ люди**”, “**всѣ князи**” и т.п.

Анализ показал, что Фома, рисуя облик своего князя в третьей и четвертой частях “Слова похвального”, ориентируется на деятельность киевских князей Святослава и Владимира, на их образы, сложившиеся в “Повести временных лет”. В этом разделе подробно рассмотрены реминисценции, а также буквальное цитирование ПВЛ.

Раздел 2.2 “Пятая часть “Слова похвального”: определение жанра и литературных образцов” посвящен анализу заключительной части тверского памятника, в ходе которого определяются жанровые признаки этого “слова”.

В центре внимания тверского автора – борьба Бориса Александровича с Дмитрием Шемякой, захватившим Москву и изгнавшим из нее ослепленного Василия. Повествование представляют собой цепочку достаточно объемных сообщений, идущих “по годам”, подобно тому, как располагается материал в летописи. Текст имеет трехчастную структуру, выдержанную в логико-хронологическом ключе. Поэтому в тексте можно встретить характерные для данного типа повествования временные пометы – точные даты дня и месяца – являющиеся важным связующим звеном.

Как и в любом средневековом произведении, в тексте Фомы есть соответствующие жанру топосы. Это и такие распространенные формулы, как **“стрѣлы яко дождем пущаху”**, **“безчислено умирающи”**, **“поехал в малѣ (с малой дружиною)”**; **“преидоша за малы дни”**, **“собрав вѣя (или: силы) своя многа”**. Повествовательное начало сказывается и в преобладании в тексте глаголов.

Среди остальных черт следует отметить скрупулезное, оцениваемое исследователями-историками как неоспоримое достоинство, перечисление всех дат, а также имен не только главных участников событий – князей, воевод, бояр, послов – а также епископов и даже мастера-пушечника.

Первые исследователи памятника (Н.П. Лихачев, А.А. Шахматов) считали пятую часть “Слова похвального” лишь материалом, “черновиком будущего “слова”. Однако определение жанровых признаков – специфики темы, манеры изложения, связной структуры (на логико-хронологической основе), топосов – позволяет сделать заключение о том, что это “слово” представляет собой отдельную повесть.

Для определения характера летописного материала “Слова похвального” важно сравнение его с местным летописанием, сопоставление с которым

представлено в *разделе 2.3 “Слово похвальное” и тверское летописание XV в.*”.

Сведений об истории тверского княжества сравнительно немного, что и понятно: Тверь два столетия соперничала с Москвой, демонстрируя свое превосходство и неуступчивость, и после покорения Твери Иваном III московские книжники вряд ли стремились сохранить что-либо из тверского письменного наследия.

Следует отметить, что сохранившиеся памятники дошли до нас в весьма фрагментарном виде. Подчас сообщения тверского летописания в составе областных летописных сводов перепутаны с заимствованиями из других сводов. Записи об истории княжества читаются в Тверском сборнике, Рогожском летописце, Симеоновской, Никоновской, Троицкой, IV Новгородской и Воскресенской летописях. Основными нужно считать Тверской сборник, Рогожский летописец и Симеоновскую летопись. Сообщаемые ими сведения в основной своей массе схожи, за исключением немногочисленных разночтений и некоторых подробностей, имеющих в одной летописи и отсутствующих в другой.

В целях определения степени самостоятельности повествовательного материала “Слова похвального” интерес представляет местное летописание начала и середины XV века. В эти годы по инициативе правящего князя Бориса Александровича были отредактированы жития его прославленных предков, составлен летописный свод, летописец рода тверских князей. А.А. Шахматов в отзыве о публикации Н.П. Лихачевым “Слова похвального” высказал мысль о том, что Фома мог быть княжеским придворным летописцем и иметь самое прямое отношение к летописному делу интересующего нас периода. Ученый отмечал, что, по-видимому, книжник пользовался тверской летописью, редактором которой и являлся, перенося из нее отдельные записи, которые в своем похвальном слове значительно расширял. За неимением доказательств это мнение и по сей день остается только возможным допущением.

Проведенный в ходе данного исследования сопоставительный анализ “Слова похвального” с основным составом Тверского сборника *не выявил бесспорного сходства*: в произведении Фомы отличное от Тверского сборника освещение событий, много фактов и дополнений, не встречающихся в дошедшей до нас тверской хронике.

Однако в составе Тверского сборника имеется произведение, стиль которого схож со “Словом похвальным”. Составитель тверской летописи присоединил к имевшемуся у него материалу об истории княжества в самом конце загадочное произведение, имеющее отдельный заголовок: “Предисловие летописца княжения Тферского благоверных великих князей Тферских”. Многих исследователей привлекало вступление, выполненное в риторическом стиле, отличающемся от стиля последующего повествования. До настоящего момента медиевисты задаются вопросом о том, чьей руке оно могло принадлежать.

А.Д. Седельников⁹, Б.М. Клосс¹⁰, А.Г. Бобров¹¹ считали автором Епифания Премудрого. В разделе подробно рассматривается аргументация всех гипотез о возможном авторстве и высказываются опровержения. В настоящее время многими исследователями, в частности Я.С. Лурье¹², М.А. Ильиным¹³, М.Ф. Антоновой¹⁴, Е.Л. Конявской¹⁵, гипотеза об авторстве Епифания Премудрого расценивается как несостоятельная, поскольку он умер около 1420 г., тогда как “Предисловие” было создано не ранее начала княжения Бориса Александровича – 1425 г.

⁹ Седельников А.Д. Из области литературного общения в начале XV в. (Кирилл Тверской и Епифаний Премудрый). Известия отдела русского языка и словесности Акад. наук. Т. XXXI. 1926.

¹⁰ Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. М., 1998. С. 104–106.

¹¹ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 147, 159–160.

¹² Лурье Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. Сер. ист. наук. Сер. 36. Вып. 3. С. 96.

¹³ Ильин М.А. Тверская литература XV века как исторический источник // Труды историко-арх. ин-та. Т. III. Каф. ист. СССР. 1948. С. 28.

¹⁴ Антонова М.Ф. “Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьсакого” (вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 149.

¹⁵ Конявская Е.Л. Ранняя повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского // Древняя Русь. № 17. 2004. С. 71.

Важно, что “Предисловие летописца” писалось в один и тот же период, что и “Слово похвальное”. Сопоставление “Предисловия летописца” и “Слова похвального” выявило поразительную близость стиля этих памятников, говорящую либо о влиянии одного произведения на другое, либо о причастности к написанию обоих произведений одного и того же автора. В стиле и содержании “Предисловия летописца” усматривается некоторое соответствие манере “Слова похвального”: использование одинаковых речевых конструкций, реплик для ввода цитат, в сходных выражениях дана генеалогия, характеристика князя, ссылки на одинаковые источники.

Все эти совпадения не могут быть случайными и с большой долей уверенности позволяют говорить о причастности Фомы к кругу книжников, выполнявших заказ Бориса Александровича по написанию “Предисловия летописца тверского княжения”.

В *заключении* подводятся итоги исследования. Делаются выводы о характере и степени усвоения тверским иноком Фомой книжной традиции, обозначен круг источников, формулируются причины “стилистической пестроты” “Слова похвального”.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что преемственная связь деятельности Фомы с книжной традицией не ограничивается временными рамками XV столетия и распространившимся в ту эпоху эмоционально–экспрессивным стилем, но охватывает весь период развития литературы Древней Руси, начиная с древнейшей поры (“Повести временных лет”, “Слова о Законе и Благодати”, “Речи” Моисея Выдубицкого). Выявленный круг книжных источников, из которых тверской автор перенял многочисленные приемы, выразительные средства, а также топику, свидетельствует о том, что инок Фома усвоил традицию торжественного красноречия, житий, в не меньшей степени летописную и традицию “учительного” слова.

Важно отметить, что ориентация на тот или иной жанр, использование выразительных средств, сложившихся внутри него, а также обращение к различным типам текстов обусловлено у Фомы не только задачей прославления своего князя, написания панегирического “слова”, но и книжными предпочтениями самого автора. Более того, с определенностью можно сказать, что Фома более **историограф**, нежели панегирист.

Преобладание повествовательного начала, действительно, может свидетельствовать о том, что именно эта форма ближе тверскому писателю. Сам автор не раз в тексте причислял себя к летописцам, прямо писал о своем долге, показывая ясное представление о своем занятии, подтверждение и значимость которому находил в примерах жизни и труда древнейших летописцев.

Автор хорошо знал эту традицию, о чем свидетельствуют топики, цитируемые им истории, большое количество ссылок на византийские хроники, русские хронографы, часто упоминаемые тверским писателем имена исторических личностей самых разных эпох. Таким образом, именно статусом летописца тверского автора можно объяснить стилистическую пестроту “Слова похвального”, включающего в себя два основных модуса: **панегирический** и **повествовательный**. Панегиризм ярко выражен в первых двух частях “Слова похвального”, в последних трех частях преобладает повествование.

Литературными образцами для панегирических частей “Слова похвального” выступили “Слово о Законе и Благодати” киевского митрополита Илариона и “Речь Моисея Выдубицкого”, из которых инок Фома заимствовал выразительные средства, стилистические обороты. В третьей, четвертой и пятой частях “Слова похвального”, где преобладает повествовательное начало, сказывается влияние **агиографической** и **летописной традиций**.

Характер топики “Слова похвального” позволяет сделать вывод о том, что инок Фома ориентировался в основном на *княжеские жития*, что, по-

видимому, можно объяснить княжеским статусом прославляемого героя. Зависимость от агиографических произведений просматривается также в тех эпизодах “Слова похвального”, где изображаемое тверским автором поведение князя во время испытаний напоминает поведение князей-мучеников Бориса и Глеба.

Помимо агиографической традиции, составляющей повествовательный модус “Слова похвального”, в значительной части текста преобладает летописное начало. Влияние летописной традиции проявлено в тексте на уровне использования топосов, в характере изображения и оценке участников событий. Можно сделать вывод о том, что инок Фома очень хорошо усвоил **киевскую традицию**. В разных частях “Слова похвального” можно встретить аллюзии на “Повесть временных лет”, в частности, при изображении тех или иных поступков тверского правителя – на запоминающиеся эпизоды из жизни Владимира, Святослава.

Тверской автор – человек книжной мудрости, живейший интерес у него вызывают, о чем можно судить по ссылкам и цитируемым историям, жизнеописания древних правителей, их взаимоотношения с ближайшим окружением, история царств и проявление Божественного вмешательства в ее ход. Возможно, поэтому в его панегирике полностью отсутствуют фольклорные мотивы – все подчинено мудрости Священного Писания. Автор “Слова похвального” неоднократно подчеркивал свою причастность ко двору, ничуть не смущаясь, а своему занятию прославления и возвеличивания князя находил многочисленные оправдания в посланиях апостолов.

“Анфиладный” принцип построения древнерусского текста допускал стилистическое разнообразие внутри одного произведения. Отсутствие единой тональности в “Слове похвальном” не разрушает целостности текста, синтез разностилевых компонентов отражает стремление инока Фомы представить читателю достоверное, объективное “слово” о своем князе. Поэтому фактографический стиль соседствует в “Слове похвальном” с

панегирическим, элементы деловой прозы с риторическими фигурами признанных “витий”.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Роль заимствований в произведении тверского книжника XV в. “Слово похвальное инока Фомы” // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 1. С.30–37.
2. “Слово похвальное инока Фомы” (XV в.) как пример первой пространной прижизненной похвалы князю // Вестник ЦМО МГУ. 2008. № 8. Часть 1–2. Филология. Культурология. Методика. С. 160–163.
3. “Инока Фомы “Слово похвальное” в кругу книжных источников // Высшая школа. 2009. № 12. С. 37–40.
4. К вопросу об авторстве “Предисловия летописца Тверского княжения” // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 1. С. 88–98.
5. Библиизмы “Инока Фомы Слова похвального”. Деп. в ИНИОН РАН № 60872. М., 2010. – 25 с.
6. “Инока Фомы слово похвальное” и “Предисловие летописца тверского княжения”: время написания, идеи, авторство // Littera Terra: межвуз. сб. аспирант. и студ. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. Вып. 5. С. 69–82.